Ответил ему не Бунчук. Откуда-то из-за дальней купы сосен ~~захлебно за~~ пулемет взлохматил тишину пронзительная сорочья стрекотня. Рой поющих пуль пронизал березку, и на гриву сотникова коня кружась и колеблясь упала ссеченная пулей ветка.

Они скакали к деревушке понукая лошадей криками и плетьми. Вслед им без единой передышки кончал [иcтрачивал] пулемет ленту.

После Листницкому часто приходилось встречаться с вольноопределяющимся Бунчуком и всегда он поражался той непреклонной воле, которая светилась в холодных его глазах, дивился неуловимой странностью ~~свисающей~~ теневой ~~такого~~ простого с виду, неприглядного человека. Бунчук и говорил как-то недосказанно, с усилием, будто где-то глубоко, в твердом углу губ, засели ~~...~~ слова. Его перевели в пулеметную команду. ~~Три недели~~ Недели через полторы (полк стоял на отдыхе) Листницкий по дороге к командиру сотни встретился с Бунчуком. Он шел из-за сотенного сарая, играя темляком левой руки.

— А-а, вольноопределяющийся.

Бунчук поднял голову и козырнул, насторожившись.

— Куда вы идете? — спросил Листницкий.

— К начальнику команды.

— Нам по пути, кажется?

— Кажется, да.

Они шли по улице разрушенной деревни ~~...~~ некоторое время молча. В дворах, возле редких уцелевших стодолов суетились люди, проезжали верховые, прямо посреди улицы дымилась полевая кухня с длинным хвостом дожидавшихся в очереди казаков; сверху тянулся промозглая мелкая сырость.

— Ну как, изучаете войну? — искоса глянув на шагавшего чуть слева Бунчука спросил Листницкий.

— Да... пожалуй, изучаю.

— Что вы думаете делать после войны? — почему-то спросил Листницкий, глядя на руки вольноопределяющегося, покрытые черной лоснящейся шерсткою. (... пожалуй...)

— Кто-то посеянное будет собирать, — а-а... сощурил Бунчук глаза.

— Как вас понять?

— Знаете, сотник, — еще пронзительней сощурился тот, — поговорку: „сеющий ветер пожнет бурю“? Так вот.

— ~~...~~ А во-об без аллегорий, нельзя?

— И так ясно. Прощайте, сотник, мне налево.